

ЛИТЕРАТУРА

1. *Лотман, Ю.* Символика Петербурга и проблемы семиотики города / Ю. Лотман // Семиотика города и городской культуры. Ученые записки Тартуского государственного университета. Труды по знаковым системам. – 1984. – Вып. XVIII. – С. 30–45.
2. *Mendes Coelho, P.* La ville intérieure dans l'oeuvre de Georges Rodenbach / P. Mendes Coelho // *Francofonía*. – 1996–1997. – № 5–6. – P. 83–89.
3. *Gorceix, P.* Georges Rodenbach (1855–1898) / P. Gorceix. – Paris: Champion, 2006. – 273 p.
4. *Hollinghurst, A.* Bruges of Sighs / A. Hollinghurst. – The Guardian. – 2005. – January 29th.
5. *Cairol, E.* Decadence and Mass Culture: The Novel as a Panorama. The Case of Bruges-La-Morte / E. Cairol // *Journal of Literature and Art Studies*. – 2015. – Vol. 5. – № 7. – P. 481–494.
6. *Czabanowska-Wróbel, A.* «Biblioteka Poezji Młodej Polski» [seria wydawnicza]; pod red. Marii Podrazy-Kwiatkowskiej i Jerzego Kwiatkowskiego [recenzja] / A. Czabanowska-Wróbel // *Pamiętnik Literacki*. – 1989. – № 80/2. – S. 392–400.
7. *Niklewicz, A.* Pamięć i zapomnienie w poezji Maryli Wolskiej / A. Niklewicz // *Ruch literacki*. – 2016. – Z. 1 (334). – S. 91–109.

ИСТОЧНИКИ ПРИМЕРОВ

R. G. – *Rodenbach, G.* Paysages de Ville / G. Rodenbach [Ressource électronique]. – Mode d'accès : https://fr.wikisource.org/wiki/Paysages_de_ville. – Date d'accès : 12.11.2017.

P. Ж. – *Роденбах, Ж.* Мертвый Брюгге / Ж. Роденбах; пер. с фр. М. Веселовской; пер. стихов С. Головачевского. – Томск: Водолей, 1999. – 702 с.

W. M – *Wolska, M.* O dawnym Lwowie (pamiętnik liryczny) / M. Wolska. – Warszawa: Wydaw. T.P., 1999. – 63 s.

B. M. – *Вольска, М.* Летние строфы / М. Вольска; пер. с пол. Е. Быстровой. – М.: Водолей, 2017. – 80 с.

L. A. – *Lange, A.* Poezye. Część I / A. Lange. – Kraków, 1895. – 198 s.

Л. А. – *Ланге, А.* Отзвуки зимы / А. Ланге; пер. с пол. Елены Быстровой. – М.: Водолей, 2015. – 104 с.

O. A. – *Oppman, A.* Wilno / A. Oppman // *Ziemia polska w pieśni*. Antologia; pod red. Jana Lorentowicza. – Warszawa: Gebethner i Wolff, 1913. – S. 453–456.

The article analyses the symbolism of the city in Georges Rodenbach's *Paysages de Ville* (1901), Maryla Wolska's *O dawnym Lwowie* (1929), Antoni Lange's *Cienie* (1895) and Artur Oppman's *Wilno* (1913). It shows that symbolic correspondences of urban elements in these modernist texts form a retrospective poetics of closure responding to the pattern of an ideal city.

Поступила в редакцию 27.12.17

ОБРАЗ ДОМА В РОМАНЕ Л. М. СИЛКО «РИТУАЛ»

В данной статье рассматривается проблема утраты и обретения этнической идентичности коренными американцами на примере романа Лесли Мармон Силко «Ритуал». Центральным мотивом произведения становится возрождение традиций коренных американцев, их самобытности, национальное самоопределение, взаимоотношение чело-века и природы. Выделяются архетипические функции дома, проводится анализ процесса возвращения сломленного героя домой, к своим корням.

... *Come home again.*
Your mother, the earth is crying for you.
*Come home, children, come home*¹ [1, p. 176].

Поиск своей идентичности, своего места в мире всегда был важным вопросом для коренных американцев, ведь белые поселенцы вынудили их покинуть родные земли, свои дома. Индейские писатели взяли на себя миссию возродить свои традиции и культурное наследие, сохранить его для потомков, а также познакомить с ним белых американцев. В 1983 г. К. Линкольн в книге «Индейский ренессанс» (*Native American Renaissance*), посвященной литературе коренных американцев, обратил внимание на возросшую творческую деятельность писателей индейского происхождения после 1969 года, а также, что представляется наиболее важным, указал на серьезный отклик со стороны как читателей, так и критиков [2]. Среди многочисленных американских писателей индейского ренессанса – периода расцвета индейской литературы – Паула Ганн Аллен (*Paula Gunn Allen*), Луиза Эрдрич (ее имя также передается в русскоязычных изданиях как Эрдрич – *Louise Erdrich*), Джой Харджо (*Joy Harjo*), Наварр Скотт Момадей (*Navarre Scott Momaday*), Саймон Ортис (*Simon Ortiz*), Лесли Мармон Силко (*Leslie Marmon Silko*), Джеральд Визенор (*Gerald Vizenor*) и Джеймс Уэлч (*James Welch*).

Опубликованный в 1977 г. роман «Ритуал» (*Ceremony*) Лесли Мармон Силко, одной из наиболее известных писательниц США индейского происхождения, представляет первую волну индейского возрождения наряду с романами Н. С. Момадея «Дом, из рассвета сотворенный» (*House Made of Dawn*) и Дж. Уэлча «Зима в крови» (*Winter in the Blood*).

«Ритуал» – это роман о судьбе молодого индейца-полукровки Тайо, ветерана Второй мировой войны, побывавшего в японском плену и утратившего идентичность в «белом» мире. Он едва помнит свою мать, которая умерла, когда ему было четыре года, не знает отца, представителя белой расы. Герой вынужден жить с культивируемым в нем тетеи чувством вины и стыда, терпеть унижения и неопределенность, будучи аутсайдером, так как

---

¹ ...Придите снова домой / Ваша мать, ваша земля плачет по вам / Придите домой, дети, придите домой (Здесь и далее перевод наш. – О. Ш.).

индейская община подозрительно относилась к детям смешанных кровей, до конца не принимая и не признавая их. Тайо лишь наполовину индеец, что влечет за собой неспособность в полной мере функционировать в любом из двух миров.

Центральными темами произведения становятся возрождение традиций коренных американцев, их самобытности, национальное самоопределение, взаимоотношения человека и природы. В романе возникает образ дома как пространственно-энергетического центра, воплощения устойчивости, упорядоченности, места сохранения культурных традиций своего рода. Дом является не только материальной, но и духовной структурой и может подразумевать как конкретное жилище, кров, так и гораздо большее пространство, сообщество, родовое гнездо. С. В. Климова выделяет следующие функции дома: жизнеобеспечивающая и спасительная (залог прочности и безопасности); защитная (поддержание физической и психической стабильности); идентификационная (отождествление с той или иной человеческой общностью и, как следствие, прояснение своего места в мировом целом); исцеляющая и обновляющая (восстанавливающая, уравнивающая); сберегающая (сохранение и трансляция опыта, навыков, обычаев и ценностей предшествующих поколений) [3].

Вырванные из родной почвы индейцы были пересажены в чужую среду, что породило в них чувство бездомности, отчуждения. По утверждению Э. Гурра, «Изгнание и отчуждение в разных проявлениях – это условия существования современного писателя во всем мире. Реакцией на такие условия является поиск идентичности, поиск дома путем самопознания или самореализации» [4, с. 14]. И в рамках своего романа Л. Силко стремится воссоздать пространство дома не только для вымышленных персонажей, но и для реальных людей, столкнувшихся с проблемой его утраты, а также своей идентичности. Испокон веков коренные американцы передавали свою религию, культуру и традиции из уст в уста от поколения к поколению. Используя память, историю, культуру, воображение, Л. Силко в своем романе воссоздает пространство дома, в котором слышен голос ее предков, и возвращает потерянную идентичность главному герою и через него – всему его роду: «рассказывание и пересказывание историй – это способ, с помощью которого люди создают пространство. Ожидается, что рассказчик помещает слушателя в ландшафт истории» [5, р. 43].

Несмотря на то, что индейцы в романе «Ритуал» выступают не только как положительные герои, а представители белого населения – не только как отрицательные, несомненно, четко видна оппозиция «мы – они». Л. Силко виртуозно обнажает сложные характеры персонажей, показывает амбивалентность эмоций, неоднозначность взглядов и поведения героев. Духовным ценностям индейского мира противопоставляется мир бесплодный и пустой; семья, являющаяся компасом, опорой и колыбелью этих ценностей, противопоставляется крайнему индивидуализму и даже эгоизму; жизни в гармонии с природой противопоставляется погоня за благами прогресса и материаль-

ными ценностями. Анализ этих оппозиций и попыток поиска себя, своего дома, которые предпринимает главный герой романа, приводит к убеждению, что индеец способен гармонично функционировать только в этом первом мире, а мир второй, мир белых, ведет к внутреннему разладу и утрате идентичности.

Процесс возвращения сломленного героя домой, к своим корням, был проанализирован американским критиком К. Тьютоном в его эссе «Цикл отчуждения и возвращения: символическая география литературы коренного населения» [6].

Само слово *цикл* предполагает, что речь идет не о пути от точки А к точке В, а о путешествии, которое начинается и заканчивается в одной и той же точке. Возвращение героя к месту, откуда он начинает свой путь, имеет решающее значение для понимания важности и сложности этого процесса. Здесь имеется в виду не развитие героя в традиции романа воспитания, когда отдаление от места рождения символизирует взросление, начало новой жизни. В случае литературы коренных американцев такое отдаление воспринимается не как процесс позитивный, а как движение, последствия которого непредсказуемы и даже опасны. Такое развитие приводит к ослаблению и разрушению героя, и только возвращение к своим корням, обретение утраченной идентичности дает надежду на исцеление.

Теоретическая модель К. Тьютона основана на анализе работ литературоведа Р. Степто, посвятившего себя исследованию афроамериканской литературы, который считал, что на ее формирование безусловно повлиял исторический опыт, в частности, опыт рабства, поэтому совершенно очевидно, что она основана на оппозиции «воля–неволя». Модель Р. Степто строится вокруг напряженных отношений между символическим Югом (Symbolic South) и символическим Севером (Symbolic North). Символический Юг олицетворяет собой начало афроамериканской истории и культуры, семейного и культурного единения, дает чувство общности, являясь в то же время местом наибольшего порабощения и нищеты. Символический Север, в свою очередь, предлагает некоторую безопасность и манит экономическими возможностями, однако за счет ослабления и даже потери связей с сообществом. Р. Степто отмечает, что символический Юг, будучи местом-символом, географически может находиться не на юге, а в любом месте, где афроамериканское сообщество объединяется в условиях угнетения и притеснения, – от берегов Миссисипи до Гарлема [6, р. 46].

Используя модель Р. Степто при анализе исторического опыта коренных американцев, Тьютон выделяет три символических места, которым он отводит центральную роль во множестве литературных текстов индейцев США. Это символический Центр (the Symbolic Center), символический Город (the Symbolic City), а также символическая Резервация (the Symbolic Reservation) [Там же, р. 47]. К. Тьютон отмечает, что символический Центр, буквально являющийся местом происхождения народа, с точки зрения психологии представляет состояние духа, ума, характеризующееся глубоким

чувством целостности, принадлежности себя к культуре, общности. «Центр – это пространство, где миф привязан к месту; где формируются образцы культурного значения; где жива традиция, понимаемая как нескончаемая связь между прошлой и настоящей жизнью. В символическом Центре известны законы общества и созидания, культурные традиции, ведущие к изменениям и росту, а опыт повседневной жизни и образцы культурного и индивидуального развития понятны, полезны и насыщены смыслом» [6, р. 48].

Отдаление от места своего рода в направлении символического Города приводит либо к сознательному отказу героя от традиций и ценностей, которые он впитал с детства, во имя адаптации к новой культуре, либо к бессознательной их потере, когда он сталкивается на своем пути с другими ценностями, правилами и стандартами. Символический Город – это квинтэссенция западного образа жизни: жизнь без корней в прошлом; научное восприятие мира и знания, полученные из книг, христианство как единственная духовная альтернатива: место «человека экономического, подпитываемое покупательной способностью, овеществлением индивидуалистических ценностей» [Там же, р. 49].

Парадоксально, но вернуться домой, в символический Центр, той же дорогой, из точки В в точку А, не представляется возможным. На данном этапе решающую роль должно сыграть третье место-символ, символическая Резервация, где коренные и западные культурные ценности сталкиваются друг с другом в противоборстве. Это место, которое является хранителем племенных традиций и обычаев, поддерживающих индейскую культуру, связывающих прошлое и будущее, обеспечивающих более глубокое восприятие мира и места личности в нем. Символическая Резервация ставит на первое место традицию как «непрерывную связь между прошлым и настоящим, осознанную опытным путем через устные традиции, родство и духовность» [Там же, р. 50]. Будучи безопасным местом, она является связующим звеном между символическим Городом и символическим Центром, домом, куда должен вернуться потерянный, сломленный герой, чтобы восстановить свои силы и обрести себя.

Безусловно, возвращению Тайо к своим корням предшествует его отчуждение от них. С самого начала он дистанцируется от своей семьи в резервации по ряду факторов: его рождение и раннее детство, прошедшие в лагерях бездомных индейцев в Галлапе, Нью-Мексико; его изгнанная мать и неизвестный отец; его чувство неадекватности, увеличивающееся в тени более многообещающего двоюродного брата Рокки, чистокровного индейца; насилие, свидетелем которого он стал и пережил на Тихоокеанском фронте Второй мировой войны.

Парадоксально, но Рокки, которого семья ценит как продолжателя традиций индейского народа, манят возможности мира белых. Он высмеивает традиции и культуру индейского народа, отказывается от своих корней и погибает на войне. Товарищи Тайо, вернувшиеся с войны, не могут

принять тот факт, что белые уже не считают их за равных, как это было на войне, и чем они так гордились, и разрушают себя физически, заливая горечь утраты алкоголем и скрашивая будни обществом распутных женщин. «... Эти глупые индейцы считали, что хорошим временам никогда не наступит конец... Они тоже были частью Прекрасной Америки, свободной страны, как говорили учителя в школе. Они носили военную форму и более ничем не отличались от других. Они почувствовали уважение. Война закончилась, прошло время военной формы. И внезапно продавец в магазине обслуживает тебя в последнюю очередь, заставляет тебя ждать, пока все эти белые не купят все, что им нужно. И белая женщина на автобусной станции теперь так осторожничают, чтобы не дотронуться до твоей руки, когда отдает сдачу» [4, р. 42].

Чувство вины за смерть Рокки, всплывающие в памяти военные действия, оторванные конечности товарищей становятся для Тайо причинами хронической бессонницы. Старания заглушить эти переживания и страхи заканчиваются тошнотой, рвотой, «попыткой исторгнуть из себя все – все прошлое, всю свою жизнь» [1, р. 168]. На основании этих симптомов белые врачи диагностируют у главного героя посттравматическое стрессовое расстройство, однако у него присутствует ощущение, что это нечто большее: «Он чувствовал внутри черепа натяжение маленьких нитей, запутанных, связанных друг с другом, и когда он пытался размотать их и вернуть на свои места, то они цеплялись и запутывались еще больше. В такие ночи, когда мысли полностью запутывались, ему приходилось попотеть, чтобы думать о чем-то, что не было путанным или связанным с прошлым, что существовало само по себе, отдельно, как одинокий олень» [1, р. 7]. Интуитивно Тайо ощущает, что его состояние является чем-то более сложным, чем просто болезнь: «Это нечто большее. Я чувствую это. Это длится уже очень долго. Я чувствую это вокруг меня» [Там же, р. 53]. Тайо ищет связь между своим состоянием и общей болезнью, особенно культурной, которой страдает мир. Таким образом, в центре сюжета не только исцеление главного героя, но и восстановление окружающей действительности, порядка. Тайо становится воплощением всего народа, «олицетворением динамичных, синкретических, адаптивных качеств индейских культур, благодаря которым они выживут» [7, р. 27], и должен вернуть чувство принадлежности к земле людям, потерявшим связь со своим прошлым.

В романе противопоставляются две культуры с несовместимыми ценностями и традициями – индейцев и белых американцев, герои вынуждены выбирать между этими оппозиционными мирами, не имея возможности полноценно принадлежать обоим. Тайо утверждает: «Он долго верил в эти истории, пока учителя в школе для индейцев не научили его не верить во всю эту “чепуху”. Но они были неправы» [1, р. 19].

Силко говорит, что белые «не видят жизни. / Когда они смотрят, / видят только объекты. / Мир для них мертв» [1, р. 135]. По своему мировосприятию

белые противопоставляются индейцам, которые описываются как «люди, принадлежащие горе» [1, р. 128]. Поэтому герои романа «Ритуал», сколько ни пытаются, не могут обрести свой дом в белой культуре, сохранив при этом свою национальную самобытность.

В поисках ответа на вопрос «кто я?» Тайо приходит к осознанию того, что является носителем одновременно двух культур. Мы видим борьбу главного героя, стремление заявить о своей идентичности. Он застревает между кажущимися оппозиционными мирами индейской и белой культур, будучи неспособным полностью слиться с культурой коренных американцев и расово отличаясь от белых. Посредством попыток обрести свою идентичность Тайо признает всепроникающее влияние белых на личность коренных американцев и служит примером для индейцев, демонстрируя, как они могут сохранить свое наследие в рамках структуры «белого» общества. Процесс самопознания Тайо становится моделью, которой должны придерживаться другие представители коренного населения, чтобы сохранить свою культуру.

Традиционный шаман оказывается бессилён против болезни главного героя, и Тайо направляется к Бетони, целителю, который использует предметы, принадлежащие западному миру, как неотъемлемые элементы эффективного ритуала: «Было время, когда традиционные ритуалы были достаточными для понимания того, каким тогда был мир. Однако после прихода белых равновесие мира нарушилось, и возникла необходимость создать новые ритуалы. Я внес изменения. Люди не доверяют им, но только такое развитие дает ритуалам силу ... вещи, которые не меняются и не развиваются, умирают» [1, р. 126]. Тайо понимает, что знания, полученные у белых, необходимы для понимания сил, действующих в мире. «Вот на что рассчитывают темные силы: мы будем цепляться за старые ритуалы, и тогда их власть восторжествует, а люди исчезнут» [4, р. 126].

Обрядовые действия Бетони и лечение длятся девять дней и ночей. Тайо поочередно принимает специальные ванны, интерпретирует картины, которые Бетони рисует для него на песке, постится и произносит слова многовековой молитвы, окончание которой приносит надежду на возвращение домой:

Я верну тебя.

Иди по моим следам,

Иди домой...

Приди домой счастливо...

Верни себе долгую жизнь и счастье....

Я иду домой к счастью.

Я иду домой, чтобы жить долго [1, р.143–144].

Очистительный ритуал исцеляет героя, помогает Тайо вновь обрести свой дом, почувствовать связь со своей родной культурой, пробудить дремлющие в нем ценности своего народа, ощутить потерянный контроль над своей судьбой, восстановить чувство равновесия и найти силы для

движения вперед. «... Есть то, что ценнее денег. Он указал подбородком на родники и узкий каньон. Понимаешь, это место, откуда мы родом. Этот песок, этот камень, эти деревья, виноградная лоза, все полевые цветы. Эта земля дает нам силы жить» [4, p. 45].

ЛИТЕРАТУРА

1. *Silko, L. M. Ceremony* / L. M. Silko. – N. Y. : Penguin Books, 1986. – 262 p.
2. *Lincoln, K. Native American Renaissance* / K. Lincoln. – Berkeley: Univ. of California Press, 1983. – 320 p.
3. *Климова, С. В. Социально-философские аспекты анализа архетипических функций дома* / С. В. Климова [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://anthropology.ru/ru/text/klimova-sv/socialno-filosofskie-aspekty-analiza-arhetipicheskikh-funkciy-doma>. – Дата доступа : 18.02.2018.
4. *Gurr, A. Writers in Exile: The Identity of Home in Modern Literature* / A. Gurr. – Sussex: The Harvester Press, 1981. – 220 p.
5. *Silko, L. M. Interior and Exterior Landscapes: The Pueblo Migration Stories. Yellow Woman and a Beauty of the Spirit* / L. M. Silko // *Essays on Native American Life Today*. – N. Y. : Simon and Schuster, 1996. – P. 25–47.
6. *Teuton, C. B. The Cycle of Removal and Return: A Symbolic Geography of Indigenous Literature* / C. B. Teuton // *The Canadian Journal of Native Studies*. – 2009. – Vol. 29. – № 1, 2. – P. 45–64.
7. *Owens, L. Other Destinies: Understanding the American Indian Novel* / L. Owens. – Norman, OK: Univ. of Oklahoma Press, 1992. – 304 p.

The article examines the problem of loss and acquisition of ethnic identity by Native Americans on the example of Leslie Marmon Silko's novel *Ceremony*. The central motives of the novel are the revival of indigenous traditions, identity, national self-determination, the relationship of man and nature. The archetypal functions of Home are singled out. An analysis of the main hero's return to his roots is made.

Поступила в редакцию 21.02.18.